Для цитирования: Лагунов А. А. Идеологический аспект мировоззренческого диалога в поликонфессиональном обществе // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 25–30.

УДК 215

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОГО ДИАЛОГА В ПОЛИКОНФЕССИОНАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ

Лагунов Алексей Александрович,
Северо-Кавказский федеральный университет,
профессор кафедры социальной философии и этнологии,
доктор философских наук, профессор.
Российская Федерация, 356240,
Ставропольский край,
г. Михайловск, ул. Гагарина, д. 400.
E-mail: E-maillag@mail.ru

Аннотация
В статье рассматривается соотношение понятий веры, религии и идеологии, обосновывается органическая взаимосвязь идеологий и религий (квазирелигий) и делается вывод о необходимости мировоззренческого диалога при определении общих для российского общества идеологических приоритетов.

Ключевые понятия:
вера,
религия,
квазирелигия,
идеология,
диалог.

Требует исследовательского внимания тот факт, что вплоть до самого конца XVIII в. ученые обходились без специального понятия идеологии. Это можно объяснить тем, что идеологическая компонента имплицитно содержалась в системах религиозных верований, определявших цель жизни человека и ценности, необходимые для ее достижения, а значит, придававших жизни вполне конкретный смысл, не требующий отдельного объяснения. Антуан де Траси ввел понятие идеологии в научное употребление, когда секуляризационные процессы стали явно влиять на общественную жизнь, вытесняя из коллективного сознания традиционную религиозность. Он сам и его последователи, французские «идеологи», ставили задачу объяснения механизма образования идей из ощущений и памяти (чувственного и рационального), выяснения влияния определенных концептов на деятельность человека. Однако взаимосвязь религиозных и идеологических представлений оказалась достаточно прочной, и уже через несколько десятилетий понятие идеологии приобрело негативный смысл (особенно у К. Маркса и Ф. Энгельса), обусловливающийся как раз этой связью с не верифицируемой религиозной верой, противополагавшейся доказательному научному знанию. Но познавательная интенция не позволяет ученому сообществу стоять на месте, и спустя столетие оно стало понимать, что восхваляемая им ранее строгость научного мировоззрения также основывается на вере, вполне догматичной, более того – фанатичная вера в науку и ее возможности постепенно оформляется общественным сознанием в квазирелигиозные представления[1]. Критерий демаркации научного и вненаучного знания так и не был найден, в итоге идеология вернула себе статус если не научной дисциплины, предполагавшийся французскими «идеологами», то, во всяком случае,

[1] «Иногда то, что я называю квазирелигиями, – утверждал протестантский богослов П. Тиллих, – называют псевдорелигиями, но это столь же неточно, сколь и несправедливо. “Псевдо” указывает на предполагаемое, но обманчивое сходство; “квази” указывает на подлинное сходство – не предполагаемое, а основанное на идентичности некоторых сторон» [3]. Он описывал такие квазирелигии, как фашизм и коммунизм, однако этот список сегодня значительно расширен: сциентизм, либертарианство, психоанализ, саентология и пр.

неотъемлемой составляющей социогуманитарного знания.

Сегодня актуальной темой российских и не только общественных наук является формулирование (или даже формирование) этнической (метаэтнической) идеологии (как варианты – государственной идеологии, идеологии гражданской нации и пр.), без которой трудно представимо осмысленное движение общества к определенной цели, опосредующее легитимизацию ценностных систем. Между тем, достаточно часто забывается органическая и историческая связь идеологии и религии, многие исследователи упоминают о религии лишь вскользь, поскольку она не является существенной частью их идеологических построений. На наш же взгляд, эта связь требует концентрации особенного внимания, в связи с чем предпримем попытку концептуализации таких важных для общества, как выяснилось в последнее время, понятий веры, религии и идеологии.

Наиболее глубинным по своим метафизическим значениям и потому сложно раскрывающим свое многоаспектное и трудно обобщаемое содержание является понятие веры, которое представляется нам логически первичным по отношению к последующим, значит, только через него возможно их осмысление. *Вера есть прежде всего чувство*, именно поэтому так много говорят о ее иррациональности, что имеет под собой достаточные основания, ведь *вера – это ощущение присутствия неведомого*, непознанного, но необходимого для ведения, или познания, а значит – для жизни вообще. Апостол Павел замечательно пишет об этом: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11:1). Невидимое ожидаемо, более того, оно необходимо, и поэтому осуществляется, реализуется в мыслях, словах и делах человека, которому априорно свойственна метафизическая интенция к неведомому. Это неведомое не чувствуется, не ощущается в обычном смысле, его нельзя взвесить, измерить, услышать, увидеть, однако оно детерминирует все наши физические чувства и ощущения. Более того, и неведомое становится видимым и ведомым, для этого следует лишь приложить усилия, но не физические только, а еще и особенные, духовные. Нужно приобрести духовный опыт. Следовательно, *веру мы можем отнести к чувствам специфическим, или духовным*. Только имеющий духовную веру может раскрыть в себе духовное зрение, духовный разум, и тогда *вера становится уже не только чувством, но и феноменом, она проявляется и объективно воздействует на человека и окружающий его мир*.

Вера всегда предполагает выход человека за пределы чувственного мира при сохранении неразрывной связи с имманентно данным, более того, само существование мыслящей личности и окружающей ее реальности невозможно объяснить без трансценденции, требующей акта веры. По мысли К. Ясперса: «Верой называется сознание экзистенции в соотнесении с трансценденцией» [2, с. 381]. Это определение применимо не только к философской вере, но и к вере религиозной, научной, даже повседневной (обыденной). Все мы верим в наступление завтрашнего дня, несмотря на то, что он, если подумать, даже не трансцендентен – его *еще нет*, и *у-веренность* человека в нем если не является следствием самонадеянности, то, во всяком случае, принципиально доступна для опровержения. Хотя, видимо, для вечности завтрашний день всегда есть и так же реален, как вчерашний, но наше физическое тело может существовать лишь в настоящем, и только *умозрению* доступны прошлое, оставившее следы в памяти, и даже будущее – ведь мы верим, что оно наступит и будет, хотя и другим, однако подобным настоящему и прошлому.

У античных и средневековых мыслителей был прекрасный термин, несколько подзабытый в «новое время» – умозрение. «Зрить умом» или «думать глазами», созерцать (отсюда и наша теория (феория), на каком-то этапе начавшая противополагаться чувственной практике, и даже отрицать ее в качестве спекулятивного знания) – занятие, требующее привлечения одновременно всех познавательных способностей человека: и разума, и чувств, и духовного опыта, и интуитивных прозрений. Только так, как предполагалось, можно было достичь *целостного знания*. Однако сегодня принято делить познание на чувственное и рациональное. В таком случае разум («рацио») отрывается от чувств, становится их арбитром и даже законодателем для них, что, думается, является непозволительной девиацией.

Вера, когда она рождается в человеке, есть духовное чувство, вместилищем которого является сердце (не физиологический

орган, а тоже духовный – середина, средоточие личности). Исихасты говорили о необходимости сведения ума (разума) в сердце. В Православном молитвослове есть молитва, слова которой при тщательном обдумывании поражают своим несоответствием современным гносеологическим представлениям: «...просвети ми разумныя очи сердечныя...» [4, с. 17]. Здесь очи не только должны быть разумными (умозрение), но еще и сердечными. Русские философы также соглашались с целостным характером действительного познания, не делимого на чувственное и рациональное, эмпирическое и духовное (теоретическое в старинном смысле, или умозрительное), молодой В. С. Соловьев, к примеру, писал: «Я знаю, что всякое преобразование должно делаться изнутри – из ума и сердца человеческого. Люди управляются своими убеждениями, следовательно, нужно действовать на убеждения, убедить людей в истине» [6, с. 233].

Таким образом, разум, несмотря на высказываемую последние столетия собственную претензию к самодостаточности, все же не только руководствуется данными органов пяти известных чувствований человека, но и всецело зависит от «шестого» чувства – веры[1]. Следовательно, и вера, и разум – необходимые для процесса познания средства, причем разум только служебен, он подотчетен вере, которая может принимать различные формы. Аналитически выделяемое чистое рационально-теоретическое знание, даже рассматриваемое в его связи с практикой, понимаемой как критерий истинности умозаключений, носит принципиально аксиоматический характер, поскольку в основании самой строгой и логически стройно выраженной теории всегда лежат положения, в которые следует только верить, и этот принцип распространяется буквально на всю множественность наук, как социогуманитарных, так и естественных, включая геометрию, которая вплоть до открытия Н. И. Лобачевского считалась строго объективной наукой, исключающей малейшую возможность получения субъективных результатов.

Науки, как и все проявления социального бытия человека, фундируются системными комплексами «веровательных аксиом», признаваемых в определенные исторические периоды в качестве «очевидных» и общепризнанных. Координируется же взаимодействие множества таких комплексов религиозными или/и квазирелигиозными представлениями. В таком смысле *религия – это вера, получившая социальную определенность,* причем «определенности веры» (религии) как в социально-историческом процессе, так и в современности часто не имеют взаимной связи и кардинально отличаются друг от друга[2].

Процессы секуляризации, прогрессирующие в нашем мире, не приводят к когда-то ожидаемому исчезновению полагаемых социальными атавизмами религий, поскольку, как писал о. А. Шмеман: «...человек *религиозен* по существу. И если он отказывается от религии трансцендентного, то есть надмирного, Бога, то он необходимо принимает религию имманентного Бога, имя которому может быть Социализм, История, Культура, все что угодно... Поэтому в мире идет спор не между верой и неверием, а между разными верами». Наша эпоха особенна в сравнении с предыдущими тем, что она «лишена единого объекта веры, единой системы религиозных ценностей, которые были бы безоговорочно приняты всеми» [10, с. 70]. Это эпоха «новой религиозной войны».

Религии возникают и развиваются только в обществе, как итог творческой деятельности множества личностей, при этом они непременно включают в себя опосредующие и обусловливающие социальную активность комплексы идей о приемлемых жизненных целях, смыслах и ценностях; иначе – всякая религия имеет специфическую функциональную сторону, или идеологию. В самом общем смысле *идеология есть подвижная система смысложизненных ориентиров*

[1] Под «шестым чувством» чаще всего понимается интуиция, но характерно, что позднелатинское «intuitio» переводится как «созерцание», которое у древних греков именовалось «theōria», умозрение. В нашем случае представление веры в качестве «шестого чувства» – даже не метафора; конечно, с оговоркой – не соматическое (телесное) и даже не психическое (душевное) чувство (такие как стыд, жалость, благоговение, страх и др.), а именно духовное, причем это чувство априорное, дано человеку от природы, т. е. в некотором смысле оно и физическое, хотя, с другой стороны, обращено и к метафизической реальности – к абсолютному, непостижимому, будущему, вечности и пр.

[2] Религиоведение, изначально претендовавшее на строго научное объяснение «религии вообще» как целостного, эволюционирующего феномена, сегодня все же пришло к необходимости постулирования разнокачественности религий и невозможности подведения их всех под единый знаменатель.

человека и общества, оказывающая влияние на все стороны конкретного общественного сознания. Подвижная по причине принципиальной незавершаемости процесса мышления-осмысления, стимулирующей перманентное когнитивное совершенствование личности (а значит, и общества), без которого последняя немыслима в качестве разумного деятеля. Важно подчеркнуть, что *идеологическая сторона*[1] *есть у каждой религии, и наоборот*: *у всякой идеологии обязательно имеется религиозное (или квазирелигиозное) основание*.

Если это так, то идеологии необходимы для общественной жизни, без них она просто не состоится. Однако этот вывод зачастую воспринимается как достаточно спорный, поскольку существует традиция восприятия идеологии в негативном свете, что объяснимо справедливой критикой *тоталитарных идеологий*. Тем не менее, логическое умозаключение от частного к общему, поспешная и далеко не полная индукция в данном случае неправомерны. Идеологии не всегда имеют тоталитарный характер, хотя, следует согласиться, они и стремятся охватить все стороны жизни человека и общества, по крайней мере, всесторонность может рассматриваться в качестве «идеологического идеала», поскольку никакая идеология не может не стремиться к подчинению осмысленным в ней ценностно-целевым ориентирам всех и каждого, во всякой жизненной ипостаси и при любом делании. Отличие тоталитарной идеологии от «нормальной», думается, не во всеохватности, а в неорганичности, из которой вытекает настоятельная потребность прерывания живой связи с традиционной религией как исторической определенностью веры, превращения ее в косное обрядоверие, безжизненный ритуал, лишенный творческой, свободной инициативы разумной личности, склонной к совершенствованию идеологических смыслов. Однако, прерывая связь с религией, объявляя ее главным идеологическим конкурентом, тоталитарная идеология вынуждена опереться на специально конструируемую под нее квазирелигию, не имеющую глубоких корней в общественном сознании, что всегда приводит к проявлениям фанатизма, результата «слепой веры», в его самых уродливых формах.

Нормальную идеологию вполне можно полагать в качестве *мировоззренческой доминанты*, органично формирующейся под влиянием веры и ее конкретно-исторической социальной определенности, или религии. Глубинную связь мировоззрения и веры подметил в словарной статье Т. И. Ойзерман: «Всякое мировоззрение складывается из убеждений. Они могут быть истинными или же, напротив, мнимыми… Одни убеждения основываются на фактах, другие, напротив, коренятся лишь в субъективной уверенности, лишенной объективной основы. Убеждения характеризуются прежде всего той энергией, настойчивостью, решительностью, с которыми они высказываются, обосновываются, защищаются, противопоставляются другим убеждениям» [5, с. 578–579].

Итак, *идеология является пространством «овнешненных», явленных и принимаемых большинством, а потому действенных смысложизненных ориентиров*, она помогает представителям общности осмыслить свое бытие, сформировав прежде всего представления о личных и коллективных целях, о ценностях как средствах, необходимых для их достижения. Поэтому нормальные, органические идеологии, в отличие от тоталитарных, неразрывно связаны с конкретными языком и менталитетом, опосредуя вместе с ними существование преемственного в социально-историческом времени общественного сознания.

Какие же можно сделать практические выводы из всего вышеизложенного?

1. Учитывая выявленную ранее смысловую взаимосвязь понятий веры, религии и идеологии, а также проведенную констатацию их корреляции в конкретном мировоззрении, можно умозаключить, что носителем последнего является общественное сознание, которое хотя и представляет собой абстракцию высокого уровня[2], тем

[1] Религия, поскольку в логической последовательности «вера – религия – идеология» размещена в центре, одной стороной всегда обращена к вероисповеданию, к его сохранению и раскрытию в человеческом сознании догматических истин, другой – к осуществлению исповедуемого, к деятельности, опосредуемой идеологическими представлениями.

[2] Если быть точным, мировоззрение может формироваться только личностно (на мир «зрит» и познает его всегда конкретный субъект). Однако личность живет в обществе, и она имплицитно, часто неосознанно связана с ним общностью представлений, что дает возможность говорить и об общественном сознании, субъективно-объективном феномене, обладающем, в частности, определенным мировоззрением.

не менее, вполне объективно влияет на множество личностей, обусловливающих и продолжающих во времени мировоззренческое творчество в пределах когнитивно-деятельностного пространства, задаваемого религией как вероопределенностью. Поэтому *в условиях поликонфессионального российского общества, формулируя его идеологические приоритеты, необходимо ясно осознавать наличие конкретной множественности основанных на вере и религиях/квазирелигиях идеологий и стремиться к осуществлению конструктивного мировоззренческого диалога*, насколько это позволяют сделать современные социальные реалии.

2. Причем вследствие принципиальной разнокачественности догматически-религиозных оснований *точки соприкосновения в этом диалоге следует искать не в вероисповедной области, а прежде всего – в нравственно-практической*, от состояния которой зависят как политическая, так и экономическая сферы общественного бытия. Спор о догматах между христианами и мусульманами, иудеями и буддистами, традиционно верующими и принципиальными атеистами не конструктивен, напротив, он будет являться дестабилизирующим общественную жизнь фактором. Однако все российские религии и даже квазирелигии несут в себе отпечаток общей отечественной традиции, что создает множество точек соприкосновения между ними, это во-первых, и, во-вторых, давно подмечено, что все религии, несмотря на свою разнокачественность, декларируют схожие нравственные нормативы, что легко объяснимо тем, что в их создании принимает активное участие человек, а он сущностно везде и всегда одинаков.

3. Крайне опасны попытки искусственного конструирования единой для всех народов и вер России государственной идеологии, ведь нужно помнить и, главное, понимать, что представления о месте и роли государства в социокультурной жизни у верующих коммунистов, христиан, мусульман, буддистов всегда будут отличаться, что идеологии и религии (квазирелигии), как выяснено, взаимосвязаны. *За всякой органической идеологией стоит религия, а не государство*, которое, по известной мысли В. С. Соловьева, должно лишь ограждать нас от зла, не позволяя нашей жизни уже сегодня превратиться в ад, а не вести к добру, самостоятельно определяя дорогу к нему. Государство обязано обеспечить мирные условия для органического развития конкретного множества вер, религий и идеологий (и лучше – традиционных, проверенных временем). Нужно изучать уроки истории: у всех создателей тоталитарных идеологий XX в., надо полагать, были благие цели (исходящие из их собственного понимания блага), и никто из примкнувших к ним не желал, во всяком случае явно, тех последствий, с которыми человечество столкнулось лицом к лицу, неся при этом величайшие жертвы.

4. Однако отказ от единой государственной идеологии в российских условиях, конечно, не означает отсутствия необходимости конструктивно-творческой деятельности по достижению *идеологического консенсуса*, по определению общих идеологических ориентиров, приемлемых большинством населения – ведь никто, за редким исключением, не будет возражать против того, чтобы наше государство сталопрежде всего крепким, справедливым и нравственным. Творчество же всегда требует тишины и максимальной сосредоточенности. И еще времени.

---

1. Жилина В. А. Идеологическое управление как сущностная черта развития социума // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 51–55.

2. Лагунов А. А., Нижников С. А. Метафизика. Религия. Общество : монография. М. : Инфра-М, Znanium.com, 2015. 424 с.

3. Методология Пауля Тиллиха. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1805442 (дата обращения 17.01.17).

4. Молитва 4-я святого Макария Великого // Православный молитвослов и Псалтирь. М. : Изд. Моск. Патриархии, 1988. 256 с.

5. Ойзерман Т. И. Мировоззрение // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 2. М. : Мысль, 2010. 638 с.

6. Сербиненко В. В., Гребешев И. В. Русская метафизика XIX–XX веков. М. : Руниверс, 2016. 800 с.

7. Смирнов А. Ю., Лагунов А. А. Определение этноментальных характеристик российского правосознания как актуальная проблема социальной философии // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2011. № 2. С. 184–187.

8. Царев Р. Ю. Какая идеология нужна современной России? // Социум и власть. 2017. № 5 (67). С. 20–25.

9. Чупров А. С., Ященко О. Ю. Вера как бытие человека // Социум и власть. 2016. № 2 (58). С. 17–24.

10. Шмеман А. Собрание статей, 1947–1983. М. : Русский путь, 2011. 896 с.

References

1. Zhilina V.A. (2016) *Socium i vlast'*, no. 1 (57), p. 51–55 [in Rus].
2. Lagunov A.A., Nizhnikov S.A. (2015) Metafizika. Religija. Obshhestvo. Moscow, Infra-M, Znanium.com, 424 p. [in Rus].
3. Metodologija Paulja Tilliha, available at: http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1805442 (accessed 17.01.17) [in Rus].
4. Molitva 4-ja svjatogo Makarija Velikogo (1988) Pravoslavnyj molitvoslov i Psaltir'. Moscow, Izdanie Moskovskoj Patriarhii, 256 p. [in Rus].
5. Ojzerman T.I. (2010) Mirovozzrenie, Novaja filosofskaja jenciklopedija v 4 t. T. 2, Moscow, Mysl', 638 p. [in Rus].
6. Serbinenko V.V., Grebeshev I.V. (2016) Russkaja metafizika XIX-XX vekov. Moscow, Runivers, 800 p. [in Rus].
7. Smirnov A.Ju., Lagunov A.A. (2011) *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta,* no. 2, p. 184–187 [in Rus].
8. Carev R.Ju. (2017) *Socium i vlast'*, no. 5 (67), p. 20–25 [in Rus].
9. Chuprov A.S., Jashhenko O.Ju. (2016) *Socium i vlast'*, no. 2 (58), p. 17–24 [in Rus].
10. Shmeman A. (2011) Sobranie statej, 1947–1983, Moscow, Russkij put', 896 p. [in Rus].

For citing: Lagunov A.A. Ideological aspect of a belief dialogue in a multi-religious society // Socium i vlast. 2018. № 1 (69). P. 25–30.

UDC 215

IDEOLOGICAL ASPECT OF A BELIEF DIALOGUE IN A MULTI-RELIGIOUS SOCIETY

Lagunov Alexey Aleksandrovich,
North-Caucasus Federal University,
Institute of Humanities,
Professor of the Department Chair
of Social Philosophy and Ethnology,
Doctor of Philosophy, Professor,
Russian Federation, 356240, Stavropol Territory,
Mikhailovsk, Gagarina Street, d. 400.
E-mail: emaillag@mail.ru

Annotation
The article considers correlation of the notions belief, religion and ideology, the author justifies organic interconnection between ideology and religion (quasi-religion) and makes a conclusion about the necessity of a belief dialogue at determining ideological priorities universal for the Russian society.

Key concepts:
belief,
religion,
quasi-religion,
ideology,
dialogue.